

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
Сборник статей памяти Бориса Федоровича Поршнева
М.: Наука. 1976

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011-2013

Вениамин Владимирович Галкин

**Последователи Роберта Оуэна в Англии
и их вклад
в развитие социалистической мысли**

История английской социалистической мысли первой половины XIX в. неразрывно связана с именем Роберта Оуэна. Заслуги Оуэна перед английским рабочим движением бесспорны. И главная заключается в том, что, несмотря на весь утопизм своего учения, неутомимой пропагандой содержавшихся в этом учении идей Оуэн будил мысль рабочего класса, ставя перед ним проблемы, от разрешения которых зависело его будущее. Оуэн неизмеримо много сделал для теоретического просвещения английских рабочих, вовлекая в то же время значительное число их в практическую деятельность по претворению своих коммунистических идеалов в жизнь. С именем Оуэна теснейшим образом связано также развитие кооперативного движения в Англии.

Но не только под влиянием Оуэна в 20-х—40-х годах прошлого века формировалось социалистическое сознание английского рабочего класса. Наряду с Оуэном в тот период выступила целая когорта утопических социалистов, внесших в разработку социально-экономических, философских, морально-этических и других общественных проблем, равно как и практических мероприятий по осуществлению принципов социализма, значительный, но, к сожалению, еще недостаточно оцененный вклад. Это была группа социалистов (У. Томпсон, Дж. Грей, Дж. Брей, Т. Годскин и др.), которая, по словам Энгельса, «использовала теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства и побивала буржуазию ее собственным оружием»¹.

Упомянутые английские социалисты, осмысливая различные стороны капиталистического способа производства и вскрывая его пороки, «достигли редкой для своего времени ясности отдельных политико-экономических понятий»². Они высказали немало оригинальных и ценных суждений по различным вопросам будущего переустройства общества на социалистических началах, что несомненно имело положительное значение для воспитания классового самосознания английского пролетариата.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 17.

² Г. В. Плеханов. Утопический социализм XIX в.— В кн.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 586.

Именно работы упомянутых выше авторов Энгельс имел в виду, когда писал в 1884 г.: «В Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления „Капитала“»³.

Между тем наблюдается поразительное несоответствие в изучении идейного наследия различных представителей раннего английского социализма. Если учение, жизнь и деятельность Роберта Оуэна нашли известное отражение в советской историографии и социально-экономической литературе, то в исследовании социалистических воззрений его наиболее выдающихся учеников и последователей существует огромный пробел. Сегодня мы не можем назвать ни одной сколько-нибудь значительной работы на русском языке, посвященной У. Томпсону, Дж. Грейу, Т. Эдмондсу или Дж. Брейу⁴⁻⁵.

Влияние Оуэна на этих представителей раннего английского социализма не было односторонним. Сам Оуэн многому научился и многое позаимствовал у них по части теории и практики социализма. Представляется поэтому важным, с точки зрения восполнения существующего пробела, изучение довольно богатого, но в значительной степени забытого в настоящее время идейно-теоретического наследия английской социалистической школы, основывавшей свои выводы на экономическом учении Рикардо, а также выяснение отношения между оуэнизмом и социалистическими учениями наиболее видных представителей этой школы.

* * *

Английский социализм 20-х—30-х годов прошлого века действительно многим обязан Рикардо, ибо только после того, как

Рикардо внес в арсенал экономической мысли свой теоретический вклад, стало возможным уличить буржуазную политическую экономия в противоречии с ее собственными положениями и благодаря этому сделать выводы в пользу социализма. Почему теория буржуазного экономиста Рикардо послужила точкой опоры, отталкиваясь от которой представители экономического направления в английском утопическом социализме смогли сделать выводы в пользу социализма,— это требует пояснения.

До появления «Начал» Рикардо многие английские политэкономы в своих построениях исходили из трудовой теории стоимости А. Смита. Но эта теория была двойственной и внутренне противоречивой. Смитовское определение стоимости не раскрывало противоположности экономических, а следовательно, и классовых интересов рабочих и капиталистов и не могло привести к социалистическим выводам⁶. Рикардовское же определение стоимости раскрывало эту противоположность, а потому было использовано «пролетарскими противниками политэкономов» для обоснования перестройки общества на социалистических началах.

Рикардо рассматривал прибыль и заработную плату как две части одной и той же стоимости, определяемой рабочим временем, и пришел к наиболее ценному во всей его системе выводу, что эти два дохода двух классов буржуазного общества противоположны друг другу. «Какая доля продукта выплачивается в форме заработной платы,— писал Рикардо,— вопрос в высшей степени важный при изучении прибыли. Ибо нужно сейчас же заметить, что последняя будет высока или низка в той же самой пропорции, в какой будет низка или высока заработная плата»⁷. По существу в этом положении Рикардо содержалось в скрытом виде указание на антагонистический характер отношений между трудом и капиталом, а это служило верным признаком того, что в рикардовскую эпоху капиталистический способ производства все более принимал форму, адекватную своей истинной природе. Выявлявшаяся в ходе борьбы классов эта истинная природа капитала делала все более очевидным тот факт, что рабочий в виде заработной платы получает от капиталиста лишь часть своего собственного труда, причем не большую, а меньшую его часть.

Перед лицом этого факта, осознание которого приобретало решающее значение для дальнейшего обострения классовых антагонизмов, все «пролетарские противники политико-экономов», апеллируя к трудовой теории стоимости Рикардо, выдвигают следующую альтернативу: если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная

⁶ А. Смит. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962, стр. 38—39.

⁷ Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955, стр. 46.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 181.

⁴⁻⁵ На сегодняшний день в арсенале советской историографии по вопросам идейного наследия ранних английских социалистов экономической школы имеются следующие работы: А. Казарин. Грей как утопист и мыслитель.— «Вопросы экономики», 1957, № 1; В. П. Волгин. Джон Френсис Брей.— В кн.: «На боевом посту». М., 1930; Д. Розенберг. Социально-экономические воззрения Годскина.— В кн.: Т. Годскин. Сочинения. М., 1938; вступительная статья Д. Розенберга к кн.: Дж. Ф. Брей. Несправедливости в отношении труда. М., 1956; предисловие И. Блюмина к кн.: Дж. Грей. Сочинения. М., 1955. В книге советского экономиста А. Л. Реуэля «Западноевропейский утопический социализм», изданной в 1963 г. в качестве учебного пособия для студентов, изложению взглядов Томпсона, Грея, Брея и Годскина также отводится несколько страниц, как и в книге С. Б. Кана «История социалистических идей (М., 1967). При этом взгляды Томпсона и Брея рассматриваются С. Б. Каном как идентичные, что не совсем правильно. Следует также заметить, что в работах названных авторов учения английских социалистов, повернувших буржуазную теорию Д. Рикардо против буржуазии, рассматриваются сами по себе, вне какой-либо связи с коммунистической пропагандой Р. Оуэна.

плата должна быть равна продукту труда. Именно таким способом английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против буржуазной политической экономии.

Но Рикардо, как известно, не проводил различия между трудом вообще и наемным трудом, между абстрактным и конкретным трудом. Он везде и всюду говорит о стоимости труда, а не о стоимости рабочей силы как особого товара при капитализме, наделенного свойством создавать в процессе производства стоимость большую, чем та, которую он сам имеет. Отсюда непонимание Рикардо, как и другими буржуазными экономистами, специфические общественного характера труда, заключенного в товаре, непонимание им категории капитала, а также подлинного источника капиталистической прибыли, падающей, по его мнению, всегда в обратном пропорциональном отношении к заработной плате рабочего.

Следовательно, из теории Рикардо английские социалисты не могли уяснить важнейшего вопроса всей политической экономии: где, когда и благодаря чему происходит отнятие у рабочего большей части созданной им стоимости, образующей прибавочную стоимость для капиталиста, а соответственно и его прибыль. Именно этим объясняется их пристальное внимание к сфере обмена и распределения продуктов труда без понимания того, что отчуждение продукта труда рабочего, происходящее в этой сфере, есть следствие, неизбежный результат отчуждения самого труда рабочего в сфере производства.

У. Томпсон, Дж. Грей, Дж. Брей и другие английские утопические социалисты находятся в плену тех экономических категорий, которые они обнаружили у буржуазных экономистов, в частности у Рикардо. В полемике против этих экономистов они исходят из их же собственных посылок. Оперировав категориями буржуазной политической экономии, ранние английские социалисты рассматривают капитал не как выражающие определенное общественно-производственное отношения, что немедленно должно было бы обнаружить преходящий характер этого отношения, поскольку оно само создает средство для своего уничтожения, а как овеществленный в средствах производства труд, т. е. видят в нем лишь определенное вещественное содержание.

Вместе с тем толкование ранними английскими социалистами рикардовской теории в том смысле, что рабочему как единственному действительному производителю должен принадлежать весь продукт его труда, подводило их вплотную к идее коммунизма. Не случайно поэтому некоторые буржуазные экономисты, в частности Кэри, обвиняли Рикардо в том, что он якобы является «духовным отцом коммунистов», ибо «вся его книга имеет тенденцию порождать вражду между классами и нациями»⁸.

⁸ *H. Carey. The Past, the Present, and the Future. Philadelphia, 1848, p. 74.*

С конца 80-х годов XIX в., когда марксизм уже проник в широкие слои населения и буржуазные критики его не могли больше спекулировать на неосведомленности публики, установилась порочная тенденция: критиковать Маркса, с целью развенчать его теорию, путем приписывания его заслуг другим. Тон был задан австрийским буржуазным юристом А. Менгером⁹ и английским социологом и экономистом, профессором Кембриджского университета Г. Фоксуэллом¹⁰.

И тот и другой доказывали, что во всех основных положениях Маркс был предвосхищен ранними английскими социалистами, в особенности Томпсоном и Бреем.

Эту тенденцию, как эстафету, приняли от Фоксуэлла и Менгера фабианские историки английского рабочего движения супруги Уэббы¹¹, а от них лейбористы (Дж. Коул, Г. Пеллинг и др.)¹². В работах современных английских буржуазных авторов эта тенденция не только не исчезла, но нашла еще более широкое распространение¹³.

Менгер и Фоксуэлл намеренно умаляли также значение и роль учения Оуэна, считая что «не Оуэн, а Рикардо дал действительно эффективное вдохновение английскому социализму»¹⁴. Вслед за Кэри Фоксуэлл упрекает Рикардо в том, что он «более, чем любой сознательно социалистический писатель подточил основание той формы общества, которую пытался объяснить и которую он полагал как типичное и естественное, если не идеальное общественное устройство»¹⁵.

Фоксуэлл противопоставляет Оуэна другим английским социалистам на том основании, что Оуэн «не может быть отнесен к числу воинствующих и склонных к разрушению мыслителей»¹⁶. Он считает, что, хотя термин «социалист» и оуэновского происхождения, тем не менее идеи, которые с этим термином ассоциируются, исходят не столько от Оуэна, сколько от Томпсона и его школы.

«Я не могу найти подтверждение тому, что эта школа в какой-то мере обязана Оуэну своим вдохновением. Напротив, рикарданский социализм был закваской оуэнистского движения и фундаментом всей более или менее талантливой оуэновской

⁹ *A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitertrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart, 1886.*

¹⁰ *H. S. Foxwell. An Introduction and Bibliography.— In: A. Menger. The Right to the whole Produce of Labour. London, 1899.*

¹¹ *Б. Уэбб. Кооперативное движение в Англии. СПб., 1905, стр. 46; С. и Б. Уэбб. История рабочего движения в Англии. СПб., 1899, стр. 111—112.*

¹² *G. D. Cole. Socialist Thought. The Forerunners 1789—1850. London, 1953; H. Pelling. The Challenge of Socialism. London, 1954.*

¹³ См. например: *R. K. P. Pankhurst. William Thompson (1775—1833). Britain's Pioneer Socialist, Feminist and Cooperator. London, 1954; J. F. C. Harrison. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. London, 1969.*

¹⁴ *H. S. Foxwell. Op. cit., p. XXXIII.*

¹⁵ *Ibid., p. XLI.*

¹⁶ *Ibid., p. XXVII.*

литературы»¹⁷, — пишет Фоксуэлл. С легкой руки последнего тер-мины «рикардианский социализм» и «рикардианские социалисты» без достаточных на то оснований были использованы в работах некоторых авторов, которые также не склонны были приписы-вать сколь-либо существенную роль идеям Оуэна и больше дела-ли акцент на влиянии, оказанном на Томпсона, Грея, Брея, Год-скина и других социалистов со стороны Рикардо¹⁸. Роль теории Рикардо в формировании антикапиталистических взглядов у ран-них английских социалистов в несколько преувеличенном виде была представлена и в некоторых советских экономических из-даниях¹⁹.

Не подлежит, однако, сомнению, что если Томпсон, Грей, Брей и другие защитники интересов пролетариата экономическим обоснованием выдвигаемых ими социальных требований обязаны классикам политической экономии, и прежде всего Рикардо, то своему публичному выступлению в защиту социализма они обя-заны не Рикардо, а Оуэну. По части социализма почти все они были учениками Оуэна. И если они обратились к политэконо-мии, то именно потому, что им хотелось, опираясь на ее выво-ды, идти дальше в том самом направлении, в каком уже рабо-тала мысль Оуэна.

Одним из наиболее видных и последовательных учеников Ро-берта Оуэна был выдающийся утопический мыслитель, зачина-тель экономического направления в раннем английском социализ-ме Уильям Томпсон.

В своем духовном развитии Томпсон прошел довольно изви-листый и тернистый путь от приверженца морально-философской доктрины утилитарного индивидуализма И. Бентама, через У. Год-вина как промежуточную ступень до убежденного сторонника коммунистической системы Оуэна. С идеями Оуэна Томпсон на-чал всерьез знакомиться в 1822 г., когда приступил к написа-нию своего первого и наиболее значительного произведения «Ис-следование принципов распределения богатства»²⁰.

В этой работе Томпсон еще являет собой, по словам Маркса, «полную противоречий комбинацию Годвина, Оуэна и Бентама»²¹. Но в этом лаконичном замечании Маркса дано указание лишь на тот круг источников, ссылаясь и опираясь на который, Томпсон формулирует свои морально-этические и правовые принципы. Тео-ретическим же обоснованием этих принципов для Томпсона явля-ются законы политической экономии, и прежде всего закон сто-

имости в той его формулировке, какую он обнаружил у Ри-кардо.

Коренную причину существующих социальных зол Томпсон видит в господстве частной собственности на средства производ-ства. Основываясь на трудовой теории стоимости, Томпсон убе-дительно доказывает в своем «Исследовании», что социальная не-справедливость в буржуазном обществе не может быть ликви-дирована, труд не может стать свободным и равенство в распре-делении продуктов труда не может быть достигнуто, «пока общество страдает от того, что в нем существуют враждебные интересы, собственники труда на одной стороне и собственники средств труда — на другой»²².

С учетом пагубных последствий господства частной собствен-ности Томпсон выдвигает как вполне очевидную истину следую-щее положение: «Собственность, частное владение есть источник большинства пороков и преступлений, которые с ее устранением прекращаются сами собой»²³.

Но кто должен упразднить частную собственность? Наслед-ственные законодатели, правительство, или это сделают капита-листы, проникнувшись духом вечных принципов морали и спра-ведливости и добровольно отказавшись от права частной собствен-ности на капитал? По убеждению Томпсона, это должны сделать сами рабочие. Томпсон был весьма далек от мечтательного сен-тиментализма утопистов континентальной Европы и розовых ил-люзий Оуэна в Англии с их постоянными обращениями к «гуманности» правительства и имущих классов, с их радужными на-деждами на то, что сильные мира сего окажут содействие в деле установления справедливой социальной системы. Он полагал, что коммунистические общины с господствующей в них общей соб-ственностью и коллективным трудом должны быть созданы самими трудящимися, а не правящим классом. Вместе с тем, признавая противоположность классовых интересов рабочих и капиталистов, Томпсон решительно высказывался против насильственной экс-проприации собственников капитала. Он вообще был против ка-ких-либо насильственных действий и на оуэновский манер мыс-лил переход к новому обществу сугубо мирными средствами, через установление гармонии интересов рабочих и капиталистов, поскольку-де при справедливой социальной системе все рабочие становятся капиталистами и все капиталисты — рабочими. В бро-шюре «Вознаграждение труда»²⁴ Томпсон более подробно коснул-ся этой стороны вопроса и выступил против высказанной Т. Го-дскином идеи, что «те, кто живет на прибыль или процент, по

¹⁷ H. S. Foxwell. Op. cit., p. LXXXIII.

¹⁸ E. Lowenthal. The Ricardian Socialists, New York, 1911, p. 18; M. Has- bach, William Thompson, Jena, 1922.

¹⁹ См., например: Д. Розенберг. Социально-экономические воззрения Год-скина.

²⁰ W. Thompson. An Inquiry into the Principles of the Distribution of We-alth most Conducive to Human Happiness. London, 1824.

²¹ Marx — Engels Gesamtausgabe (далее — MEGA), Abt. 1, Bd. 6, S. 616.

²² W. Thompson. An Inquiry..., p. 176.

²³ Ibid., p. 234.

²⁴ W. Thompson. Labour Rewarded, The Claims of Labour and Capital Con- ciliated: or, how to Secure to Labour the Whole Product of its Exertion. Lon- don, 1827.

справедливости не имеют права на какую-либо долю в национальном продукте»²⁵.

В полемике с Годскином Томпсон исходил из того, что полезным для общества является не только физический труд фабричных и сельскохозяйственных рабочих, непосредственно создающих богатство страны, но и умственный труд, в том числе и труд капиталистов. «Сам принадлежат к категории умственных работников,— пишет Томпсон,— я полагаю, что мы должны были бы быть весьма довольны, если бы получали такую долю в национальном производстве от производителей богатства, какую при справедливом порядке получали бы они сами»²⁶.

Как же должен выглядеть, по Томпсону, этот справедливый порядок? Какой общественный строй должен быть установлен в результате отмены частной собственности на средства производства? Позитивный социальный идеал, как явствует из его высказываний, вырисовывается у Томпсона в несколько ином виде, чем у Оуэна. В этом главном вопросе Томпсон еще выступает больше последователем Годвина, чем Оуэна, хотя в своей книге он восхищается Оуэном и по многим другим вопросам разделяет его взгляды.

Томпсон предполагает такой общественный строй, при котором нет частной собственности, существует общая собственность на средства производства, но с индивидуальным пользованием, при котором отдельные, абсолютно свободные и независимые работники живут на добровольных началах небольшими общинами и обмениваются друг с другом результатами своего труда. Каждому индивидууму гарантируется получение полного продукта его труда, благодаря чему достигается справедливость.

Средства производства, таким образом, принадлежат совокупности трудящихся, продукты же производства — отдельным работникам, и распределяются они между ними строго по трудовому принципу.

В идеальной для Томпсона социальной системе должны быть реализованы три «естественных» закона распределения: 1) все виды труда должны быть свободными и добровольными с точки зрения их направления и продолжительности; 2) получение всех продуктов труда должно быть обеспечено для самих производителей; 3) обмен этими продуктами должен быть свободным и добровольным²⁷.

Принять такую систему побуждает Томпсона бентамовский принцип максимизации счастья, который, по его мнению, быстрее и эффективнее всего может быть обеспечен при системе индивидуальной безопасности, которая будет постоянно побуждать людей улучшать и расширять производство.

Безопасность — это не что иное, как право производителя на полный продукт его труда. Усиленное подчеркивание Томпсоном в экономической части его «Исследований» роли труда в создании богатства необходимо именно для того, чтобы теоретически обосновать выдвигаемую им систему распределения. Ведь если все предметы богатства создаются трудом и только трудом, то, значит, право непосредственного производителя на полный продукт его труда — это естественное право, подтверждаемое самими законами политической экономии.

Но выделение каждому производителю полного продукта его труда практически неосуществимо, потому что при механизированном машинном производстве с широкой системой разделении трудовых операций невозможно учесть, какая доля труда в продукте приходится на каждого производителя. Кроме того, Маркс и Энгельс позднее неоднократно указывали на то, что ни при каком мыслимом общественном строе, в том числе и при коммунизме, рабочий не может получать для потребления полную стоимость своего продукта, так как из произведенного фонда всегда должны будут покрываться расходы на целый ряд экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и на содержание лиц, выполняющих эти функции. Помимо этого, оставалась бы необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления, а это означало бы, что рабочие и все члены общества пользовались бы всем произведенным продуктом, но каждый в отдельности не пользовался бы своим полным трудовым доходом²⁸.

Равенство и безопасность, в интерпретации Томпсона, также представляются несовместимыми друг с другом. Безопасность — это предоставление каждому производителю права распоряжаться полным продуктом своего труда, равное же распределение предполагает одинаковое вознаграждение всем, что никак не согласуется с правом на полный продукт, поскольку в любом обществе люди отличаются друг от друга по своим физическим и интеллектуальным способностям, следовательно, их трудовой вклад будет неодинаков, а кроме того, дети и старики, также пугающиеся в средствах к жизни, обеспечивать себя продуктом собственного труда не могут.

Чтобы разрешить это противоречие, Томпсон апеллирует к рационалистической системе Годвина, будучи убежденным в том, что «продукты индивидуальной деятельности могут быть равномерно и добровольно распределены среди любого числа объединенных в ассоциации индивидуумов, хотя количество продукции, производимое каждым, может быть весьма различным»²⁹.

Подобно Годвину, Томпсон отдает предпочтение добровольным побуждениям и надеется на развитие интеллектуальной сто-

²⁵ Т. Годскин. Сочинения, стр. 34—35.

²⁶ W. Thompson. Labour Rewarded, p. 4.

²⁷ W. Thompson. An Inquiry..., p. 6.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 16—19; т. 21, стр. 191—192.

²⁹ W. Thompson. An Inquiry..., p. 382.

роны человеческой природы. Он склонен думать, что если производители благодаря распространению знаний и совершенствованию социальной науки осознают первостепенную важность принципа общественной пользы и согласятся на добровольное отчуждение части продукта своего труда ради равенства всех, тогда равное распределение богатства будет согласовано с системой индивидуальной безопасности. Но это остается у Томпсона чисто теоретическим предположением, не подкрепленным какими-либо вескими доводами.

Намечая пути и средства к установлению справедливой социальной системы, Томпсон, как мы видим, не может избавиться от противоречий. Равенство оказывается недостижимым, пока во главу угла становится принцип обеспечения каждому производителю полного продукта его труда. Маркс относился критически к проекту социальной системы Томпсона. Делая выписки из «Исследования» Томпсона во время пребывания вместе с Энгельсом в Лондоне и Манчестере летом 1845 г., он выразил свое отношение к этому проекту следующим кратким, но весьма едким замечанием: «Томпсон думает, что все может быть сделано фразой: «равенство, безопасность, добровольный обмен и т. д.»³⁰

Лаконичность этого замечания позволяет лишь сделать вывод, что сам Маркс так не думает. Разумеется, Маркс не думал и так, как думал Оуэн. И тем не менее он отдавал явное предпочтение оуэновской системе, сравнивая ее с системой Томпсона.

Значительно позднее Энгельс в статье «Юридический социализм» также указывал: требование, чтобы средства производства и продукты производства принадлежали совокупности трудящихся, является совершенно иным, нежели требование права производителей на полный продукт их труда. Первое требование, подчеркивает Энгельс, «является коммунистическим и идет значительно дальше...»³¹.

Но если равное распределение недостижимо при системе индивидуальной безопасности, то оно достижимо при системе социальной безопасности, т. е. при коллективной системе труда, распределения и потребления. И Томпсон сам по ходу изложения все более убеждается в ограниченности предлагаемой им системы и непригодности сформулированного им принципа. Это особенно чувствуется в последней, шестой главе его «Исследования», почти целиком посвященной рассмотрению и оценке системы Оуэна. Не случайно Маркс, делая выписки из этой книги, резюмировал основное содержание шестой главы следующим образом: «Полемика против Оуэна и его признание. Вся глава защищает Оуэна от всех возможных возражений»³².

В этой главе Томпсон уже открыто признает, что «единственно достойный внимания способ обеспечить равное распределение

богатства в обществе — это способ, основанный на взаимной кооперации в производстве»³³.

Это фактическое признание Оуэна и его системы означает не то, что Томпсон отказывается от своего требования предоставить каждому производителю право на полный продукт его труда, а то, что это право, по его мысли, в наиболее полном виде может осуществиться именно в кооперативных коммунистических общинах, где строго осуществляется принцип равного распределения богатства. Здесь Томпсон производит как бы переоценку ценностей и на первый план выдвигает принцип равного распределения, подчиняя ему принцип индивидуальной безопасности. Оуэн одерживает верх над Годвином и Бентамом.

В 1827 г. в работе «Вознаграждение труда» Томпсон уже безоговорочно выступает в защиту коммунистической системы Оуэна.

«Не прошло и четырех лет с тех пор, как я обратил серьезное внимание на новую систему кооперативного производства. Когда впервые эта система была провозглашена Оуэном, я склонен был рассматривать ее просто как способ улучшить условия существования пауперов, желал ее успешного осуществления и хотел, чтобы опыты продемонстрировали ее полезность для достижения именно этой цели. Но моя любовь к свободе производственной деятельности и всем вытекающим из нее последствиям, мое сопротивление всякому насилию и обману было настолько велико, что я с отвращением отвернулся от этой системы, когда Оуэн начал распространять ее на общество в целом. Я испытывал это чувство потому, что осуществить ее предполагалось при поддержке законодателей тех стран, где не существует представительной системы, где сами эти законодатели (открыто или тайно) всегда, в силу окружающих их обстоятельств, остаются угнетателями своих подданных...»

Терпеливое изучение системы труда посредством взаимной кооперации большого числа людей (т. е. коммунистической системы Оуэна.— В. Г.) показало мне, что она не только не связана с насилием и обманом, но и сами насилие и обман просто несовместимы с введением этой системы, с ее принципами. Полугодовые упорные исследования привели меня к принятию системы труда посредством добровольной взаимной кооперации как единственной из всех систем, которая рассчитана на достижение великой цели всех моих прежних желаний — на обеспечение производителю полного продукта его труда»³⁴.

И тем не менее Томпсон полемизирует с Оуэном. Но теперь он выступает не против его коммунистической системы производства и распределения, поскольку эта система в социальном отношении оказывается более совершенной, чем его собственная, а против тех путей и средств, используя которые, Оуэн и его сто-

³⁰ MEGA, Abt. 1, Bd. 6, S. 616.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 504.

³² MEGA, Abt. 1, Bd. 6, S. 616.

³³ W. Thompson. An Inquiry..., p. 382.

³⁴ W. Thompson. Labour Rewarded..., p. 98.

ронники рассчитывают добиться ее осуществления. Томпсон считает, что все попытки в этом направлении неизбежно потерпят неудачу, поскольку агитация за установление системы кооперативного коммунизма Оуэна не сопровождается борьбой за изменение формы политической власти. В шестой главе своего «Исследования» Томпсон обращает внимание на тот курьезный и удивительный, по его мнению, факт, что оуэновский план создания коммунистических общин не предусматривает никаких изменений в существующей государственной системе, в силу чего общая собственность их остается незащищенной.

Томпсон высказывается за демократическую представительную систему, которая по необходимости должна быть создана при новом общественном строе, будет ли он основан на системе индивидуального труда и обмена, или на оуэновской системе коммунистических общин.

По убеждению Томпсона, представительная система несовместима с существованием условий, при которых отсутствует безопасность. С ее установлением должно прекратиться вопиющее явление современности: отчуждение путем прямого грабежа продукта труда без согласия на то производителя. При этом Томпсон подчеркивает, что установление представительной политической системы — не самоцель, а важнейшее средство, которое должно быть использовано именно для того, чтобы постепенно ликвидировать монополию капиталистов на основные средства производства и передать владение этими средствами в руки трудящихся.

Томпсон предполагал завоевание политического представительства на основе всеобщего избирательного права для всех взрослых мужчин и женщин. Он выступал за полную эмансипацию женщины не только в семье, но и во всех сферах экономической и политической жизни общества. Эта сторона его учения нашла отражение в работе «Воззвание одной половины человечества — женщин, направленное против притязаний другой его половины — мужчин», опубликованной автором в 1825 г.³⁵

Мысль Томпсона о необходимости завоевания трудящимися политической власти, прежде чем справедливая социальная система будет окончательно установлена, была ценной, новой и оригинальной для своего времени. Эта мысль в 20-х годах XIX в. оказала сильное воздействие на некоторых деятелей кооперативного движения в Англии, первоначально являвшихся последователями Оуэна, а позднее присоединившихся к чартистам. В этом плане Томпсон несомненно сделал значительный шаг вперед по сравнению со всеми предшествующими и современными ему английскими социалистами. Но если Томпсон как один из «пролетарских противников политикоэкономов» в смысле классовой ориентации и путей борьбы за достижение коммунистического идеала оказался

³⁵ W. Thompson. An Appeal of one Half of the Human Race, Women, against the Pretensions of the other Half, Men, to Retain in Political, and thence in Civil and Domestic Slavery. London, 1825.

левее Оуэна, то некоторые другие представители английской социалистической школы несомненно стояли правее его.

К числу последних принадлежал Джон Грей, эволюция взглядов которого происходила в обратном направлении по сравнению с эволюцией взглядов Томпсона. Грей начал с пропаганды идей Оуэна, а кончил признанием частного производства.

В своей первой опубликованной работе «Лекции о человеческом счастье»³⁶ Грей, исходя из трудовой теории стоимости, разработанной А. Смитом и Д. Рикардо, приходит к выводу, что единственным справедливым основанием всякой собственности является труд. Следовательно, имущие классы, которые сами непосредственно не трудятся, живут за счет чужой собственности, принадлежащей в действительности ограбленным, в силу обстоятельств, производительным классам³⁷. Из этого объективного положения Грей выводит необходимость осуществления реформы, в результате которой производитель получил бы возможность употреблять на себя собственность, создаваемую им. Пропагандируемые Оуэном мероприятия, по мнению Грея, находятся в полном соответствии с такого рода реформой.

Однако солидарность с Оуэном продолжалась недолго. Спустя шесть лет после выхода в свет «Лекций», в 1831 г. Грей публикует свой главный труд «Социальная система», где уже со всей категоричностью заявляет: «В противоположность мнению некоторых лиц, которые прочтут эту книгу, — я имею в виду многочисленную категорию людей, являющихся теперь в большей или меньшей степени сторонниками г-на Оуэна, — я считаю все системы равенства несправедливыми в принципе и совершенно несущественными»³⁸.

Критикуя Оуэна, Грей отмечает, что полемизировать с ним трудно ввиду отсутствия систематического изложения взглядов Оуэна в виде трактата или отдельной книги, где охватывались бы все вопросы, могущие служить предметом анализа. Тем не менее если обобщить все, что до сих пор сказано и написано Оуэном, то можно выделить три главных аспекта социальной науки, на которых он акцентирует свое внимание: во-первых, нравственность, или формирование человеческого характера, во-вторых, политическую экономию и, в-третьих, домашнюю экономию, или искусство пользоваться тем, чем мы обладаем»³⁹.

Относительно первого из этих аспектов Грей напоминает, что сущность взглядов Оуэна заключается в том, что характер человека формируется для него, а не им самим, и что при соответствующей системе воспитания и образования «любой характер, начиная от самого лучшего и кончая самым худшим, начиная от

³⁶ «Лекции» представляли собою фрагмент более обширного труда «Национальная коммерческая система», оставшегося неопубликованным.

³⁷ Дж. Грей. Сочинения. М., 1955, стр. 60.

³⁸ Там же, стр. 128.

³⁹ Там же, стр. 248.

самого невежественного и кончая самым просвещенным, может быть придан любой общине и даже всему миру»⁴⁰.

Возражая Оуэну, Грей заявляет, что нет ни малейшей необходимости воспитывать людей иначе, чем они воспитываются в Англии, для того чтобы уничтожить нищету и добиться всеобщего благоденствия. «Задача, которая стоит перед миром, — пишет Грей, — заключается не в том, чтобы сделать людей друзьями для того, чтобы они могли благоденствовать, но в том, чтобы сделать людей благоденствующими, дабы они могли стать друзьями. По этому вопросу я придерживаюсь того мнения, что г-н Оуэн принял средство за цель, а цель — за средство и что он и его ученики питают иллюзию, будто необходимо учить людей быть добродетельными, для того чтобы они могли быть богатыми. Я отрицаю существование какой-либо такой необходимости и утверждаю, что если вы хотите, чтобы люди стали добродетельными, то начните с улучшения их материального положения»⁴¹.

Несмотря на ограниченность и утопизм тех мероприятий, которые были предложены самим Греем в его книге «Социальная система», выдвинутые им здесь возражения против оуэновской доктрины о воспитании и формировании характера у людей представляются довольно здоровыми.

Приняв основной тезис французских материалистов XVIII в. о влиянии окружающей среды на характер человека и считая вместе с тем бесспорным их положение о том, что «идеи правят миром», Оуэн попадал в порочный круг. У него выходило, что коммунистические общины нужны для того, чтобы дать людям надлежащее воспитание, а с другой стороны, такое воспитание является необходимым предварительным условием создания коммунистических общин. Оуэн не сумел сделать практические выводы из учения французских материалистов о формировании характера. Если характер каждого данного человека определяется условиями его воспитания, то очевидно, что характер всякого данного общественного класса определяется условиями его материальной жизни. Класс, живущий эксплуатацией других классов, всегда будет расположен защищать общественную несправедливость, а не бороться против нее. Поскольку Оуэн надеялся побудить аристократию и буржуазию на такие реформы, которые положили бы конец разделению общества на классы, постольку он невольно впадал в то самое противоречие, разрешить которое тщетно старались материалисты XVIII в.; поэтому Грей был последователен, критикуя Оуэна, и стоял на более правильных позициях, когда акцентировал внимание не на моральном, а на материальном факторе. Вместе с тем относительно средств борьбы за новое социальное устройство взгляды Грея оказались гораздо более ограниченными, нежели взгляды Оуэна.

⁴⁰ Взятые в кавычках слова являлись девизом, под которым выходили оуэновские журналы «Кризис» и «Новый нравственный мир».

⁴¹ Дж. Грей. Сочинения, стр. 248.

«По вопросам обмена и распределения, — пишет Грей, — поскольку дело касается того, что производится и приобретает общиной для ее собственного пользования или потребления, г-н Оуэн высказывается достаточно определенно — *равное распределение*. Я возражаю против этого, исходя из всех принципов справедливости. В оправдание его нельзя даже сослаться на целесообразность. Равное распределение было бы премией за лень, оно задержало бы, если не совсем уничтожило бы, развитие изящных искусств... Далее оно уничтожило бы тот принцип, благодаря которому почти всякая вещь, произведенная сегодня, оказывается лучшей, чем такая же вещь, произведенная вчера, — принцип индивидуального соперничества»⁴².

Выражая по преимуществу интересы разоряющегося английского ремесленника, мелкого буржуа, стремившегося в то же время сохранить свое положение мелкого собственника, Грей с испугом отвергает идею равенства, проповедуемую Оуэном. Такая позиция Грея, разумеется, не могла способствовать дружбе между ним и Оуэном. На третьем кооперативном конгрессе 23 апреля 1832 г., т. е. спустя полгода после выхода книги Грея, Оуэн впервые публично ответил ему: «Грей, по-видимому, невнимательно читал» его работы, а потому «не понял самой сути обсуждавшихся в них вопросов»⁴³. Сам Грей был приглашен участвовать в работе конгресса, но не приехал, а ограничился приветственным письмом, которое наряду с другими было оглашено на конгрессе и опубликовано в журнале «Кризис»⁴⁴.

«С чувством глубочайшего удовлетворения я замечаю всюду, — писал Грей, — все шире распространяющийся дух поиска, который в конечном итоге не может не привести к осуществлению важных перемен, могущих способствовать установлению более совершенного общественного порядка. Я усматриваю немаловажное доказательство роста сознательности в том, что в лице делегатов вашего конгресса значительная часть населения страны теперь имеет обыкновение собираться и обсуждать меры, которые могут быть предприняты для его пользы, обсуждать свои собственные дела, а не дела правительственные. Мои взгляды по вопросам промышленности и торговли хорошо известны некоторым членам вашего комитета... и поэтому нет никакой необходимости останавливаться на них здесь. Но, хотя я и придерживаюсь несколько иных взглядов по этим вопросам, я тем не менее выражаю свое искреннее одобрение вашей общей цели и средствам, с помощью которых вы намереваетесь достичь ее»⁴⁵.

Особое одобрение Грея вызвало намерение делегатов конгресса обсудить вопрос о создании значительного числа небольших

⁴² Там же, стр. 249.

⁴³ Цит. по: R. Pankhurst. Op. cit., p. 171.

⁴⁴ «The Crisis», vol. I, N 5, May 5, 1832, p. 20.

⁴⁵ Ibidem.

производственных коммун, за что ратовал Томпсон и его сторонники и против чего выступал Оуэн. «Чем многочисленнее будут такого рода объединения, — подчеркивал Грей, — тем легче полезные идеи будут проникать в сознание человечества».

Несмотря на разногласия между Оуэном и Греем по ряду вопросов, касающихся путей установления справедливой социальной системы, единство конечных целей того и другого едва ли может быть подвергнуто сомнению. Все заверения Грея в лояльности по отношению к частной собственности и собственникам, содержащиеся в его произведениях, не могут скрыть от внимательного читателя истинную сущность его учения. Для Грея, так же как и для Оуэна, идеалом устройства общественной жизни в конечном итоге является социализм.

Сохраняя частную собственность на средства производства, Грей вместе с тем предполагает установление коллективной собственности на готовую продукцию, которая должна сосредоточиваться на национальных складах и распределяться в соответствии с трудовыми затратами каждого индивидуума. Грей не понимал, что частная собственность на средства производства и коллективная собственность на готовую продукцию — вещи несовместимые. Коллективная собственность на готовую продукцию могла иметь место лишь при условии уничтожения частной собственности на средства производства, ибо всякая система распределения готовой продукции есть лишь следствие распределения материальных условий производства.

Общие черты мы обнаруживаем также во взглядах Оуэна и Грея на вопрос о «рабочих деньгах». В первом выпуске «К критике политической экономии» Маркс писал, что «учение о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения было впервые систематически развито *Джоном Греем*»⁴⁶. Эти слова Маркса нельзя, однако, понимать в том смысле, что сама идея «рабочих денег» также принадлежит Грею. Она принадлежит не Грею, а Оуэну, который впервые высказал ее, хотя и в самой общей форме, в 1820 г. в «Докладе графству Ленарк»⁴⁷.

Более конкретно эта идея была сформулирована Оуэном в 1827 г. в малоизвестном «Обращении к рабочим и хозяевам Великобритании и Ирландии, занятым в области сельского хозяйства и промышленности». В этом обращении он говорил: «Вместо того, чтобы продавать себя за деньги, в результате чего ваш труд получает в высшей степени бесполезное и пагубное направ-

ление, не рациональнее ли было бы применять ваши физические и умственные способности для вашей же собственной пользы, что могло бы быть сделано посредством осуществляемого вами самими справедливого обмена стоимости на стоимость или определенного количества труда в одном товаре на точно такое же количество труда в другом. Благодаря такому простому и справедливому способу ведения дела стандартом стоимости стали бы не деньги, а труд, и без особых осложнений можно было бы представить стоимость всех товаров знаком труда за час, день, месяц, год и т. д.»⁴⁸.

Однако, высказав мысль о замене искусственного мерила стоимости в виде золота и серебра естественным мериллом — рабочим временем в виде «трудовых бон» или «рабочих денег», Оуэн не стал разрабатывать свою идею в деталях: он рассматривал эту задачу как «едиственно реально полезную задачу науки»⁴⁹. Детальную разработку данного вопроса дал в своей книге Грей. Заимствовав у Оуэна идею «рабочих денег», Грей развил ее в целую систему, в теорию «рабочих денег», и положил эту теорию в основу своего учения о переустройстве экономической жизни общества на новых справедливых принципах.

Книга Грея, в которой Оуэн обнаружил развернутое изложение собственных мыслей, несомненно произвела на него сильное впечатление. Под влиянием этой книги Оуэн, по-видимому, и приступил в 1832 г. к организации обменных банков в Лидсе, Лондоне, Манчестере и других городах; упомянутые банки производили обмен товаров с помощью тех самых «рабочих денег», которые со всей подробностью были описаны Греем. Оуэн нашел в его работе теоретическое обоснование возглавленного им движения в пользу организации обменных банков, или «базаров справедливого обмена труда». Однако, в отличие от Грея, он не рассматривал организацию обмена на основе «рабочих денег», как самоцель, как панацею от всех зол капитализма. Реформа средств обращения так или иначе была подчинена у него плану коммунистического преобразования как его составная часть, как один из путей, ведущих к полному изменению основ общественного строя.

Нет необходимости доказывать, выражаясь словами Энгельса, «всю нелепость утопии рабочих денег»⁵⁰. В «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» и в первом выпуске «К критике политической экономии» 1859 г. эта задача во всей своей полноте была блестяще выполнена Марксом⁵¹.

⁴⁸ Address of Mr. Owen to the Agriculturists, Mechanics, and Manufacturers, both Masters and Operatives of Great Britain and Ireland. London, 7 September 1827, p. 6.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 188.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 61—98; т. 13, стр. 67—70.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 67.

⁴⁷ Р. Оуэн. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1950, стр. 187—189. Не случайно поэтому в июле 1832 г., когда Оуэн развернул бурную деятельность по организации обменных банков в Лондоне, Манчестере и других городах, где все меновые операции осуществлялись с помощью «рабочих денег», соответствующие отрывки из его доклада графству Ленарк были перепечатаны в журнале «Кризис» («The Crisis», vol. I, N 20, July 21, 1832, p. 77—80).

Следует лишь заметить, что сама теория «рабочих денег» в том виде, как она изложена у Грея и у Оуэна, целиком базировалась на трудовой теории стоимости Рикардо, который, как известно, в своих экономических построениях исходил из определения стоимости рабочим временем. Такое определение стоимости было исторически обусловлено, оно носило научный характер, поскольку отражало то, что имело место в действительности. Выше мы видели, что Рикардо полностью преодолел двойственность в определении стоимости, данном Смитом. Это объяснялось тем, что в период, когда Рикардо писал свой основной труд, крупное машинное производство в Англии имело гораздо больший удельный вес, чем в эпоху Смита. Оно уже преобладало в общей промышленной системе страны. При крупном же машинном производстве в условиях капитализма стержнем производственной деятельности становится простой труд. Теперь мерой стоимости служит одно лишь количество труда безотносительно к его качеству, ибо различные виды труда приравниваются друг к другу путем подчинения человека машине или путем разделения труда до крайних пределов. Теперь человеческая индивидуальность как бы оттеснена на задний план машиной, и время становится точной мерой относительной деятельности двух рабочих.

В условиях капиталистического машинного производства, когда оно становится преобладающим, рабочий час одного человека стоит часа другого, или, иными словами, человек в течение одного часа труда стоит другого человека в течение тоже одного часа.

Исходя из этого факта быстро развивающейся английской промышленности, Рикардо и определил стоимость товара рабочим временем. Но из такого определения авторы «рабочих денег» делали вполне естественный, на их взгляд, и логичный вывод: если стоимость всякого товара — не что иное, как труд, выполненный в определенный период времени, то и выражать стоимость следует не с помощью золота или серебра, т. е. чисто внешнего, ископаемого мерила, а тем, что составляет ее субстанцию, ее содержание. Такое обозначение (знак или квитанция) определенного количества рабочего времени (часа, дня, недели и т. д.) будет приемлемо для каждого производителя, поскольку крупное машинное производство нивелирует качественные различия в труде отдельных работников в течение одних и тех же отрезков времени.

Теория «рабочих денег» как теория, якобы указывающая путь к достижению системы справедливого обмена, была воспринята и другим видным представителем оуэновской социалистической школы — Джоном Френсисом Бреем. Сам Брей не внес ничего нового в разработку этой теории, а заимствовал ее в том виде, как она была изложена у Оуэна и Грея.

К. Маркс в работе «Нищета философии» отводит значительное место рассмотрению взглядов Брея, объясняя это тем, что

«в произведениях этого писателя» он нашел «ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона»⁵².

Показывая весь утопизм учения Брея о справедливой системе обмена, Маркс тем не менее выразил свое глубокое уважение к этому «английскому коммунисту», назвав его книгу «Несправедливости в отношении труда и средства к их устраниению» «замечательным произведением»⁵³.

Именно в этой работе Брея мы находим свидетельство того, какое огромное влияние на него оказал Оуэн. В известных нам публикациях, выступлениях в печати 30-х годов мы не обнаружили высказываний Брея, которые показывали бы, как он относился к Оуэну в то время. Но в одной из статей, опубликованных в 1873 г. уже после смерти Оуэна, Брей писал: «Роберт Оуэн, сделавший так много для пропаганды идеи кооперации, был вдохновенным реформатором, он отдавал всего себя борьбе за счастье людей труда и вскрывал самые корни социальных несправедливостей. Он имел обыкновение изображать современную социальную систему в виде нагроможденных друг на друга деревянных кубов, представляющих собой различные классы, которые возвышаются над рабочим классом и давят на него. Оуэн был высокого роста, худощав и казался всегда погруженным в размышления. Он всегда был скромн и обходителен, и не существовало человека, который бы не уважал его»⁵⁴.

Влияние Оуэна сказалось прежде всего в том, что Брей целиком воспринял оуэновские взгляды на воспитание. Так же как и Оуэн, Брей был убежден, что установление разумной и справедливой системы — дело разума. «Свержение социальной системы, — пишет он, — не более трудно, когда оно решено народом, чем свержение правительства»⁵⁵. Следовательно, достаточно убедить народ в несправедливости существующих порядков и предложить ему строй, соответствующий истинной человеческой природе, как первые рухнут сами собой.

Переход к новой социальной системе также мыслился Бреем на оуэновский манер, т. е. мирным путем. Брей решительно отвергал политическую борьбу и считал, что рабочие должны накопить денежную сумму, достаточно крупную, чтобы дать возможность определенному числу лиц приобрести и землю и основной капитал. Благодаря этому создание новых порядков может быть начато с основания хотя бы одной социалистической общины⁵⁶. Брей не сомневался в том, что если бы объединенные сбережения рабочих были употреблены на приобретение «реального капитала и на предоставление рабочим классам занятий

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 102.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Working Man's Advocate», 3.V 1873.

⁵⁵ Дж. Брей. Неспредливости в отношении труда и средства к их устраниению. М., 1966, стр. 104.

⁵⁶ Там же, стр. 78.

своими силами и для себя», на основе системы общности имущества и равноправия, то тем самым в капиталистическую систему была бы внесена сила, достаточная для ее ниспровержения⁵⁷.

Оуэнский образ мыслей являлся для Брея как бы эталоном, с которым он соизмерял положения собственной теории. Но Брей воспринял не только утопические стороны учения Оуэна. В его книге нашло отражение правильное понимание Оуэном целого ряда таких вопросов, которые являются особенно актуальными в наши дни. Это касается прежде всего его взглядов на роль машин. Брей много внимания уделял вопросу о том, какие последствия будет иметь использование машин при новой социальной системе. Вполне сознавая отрицательные результаты применения машин для рабочих в капиталистическом производстве, Брей вместе с тем указывал, что их применение окажется благотворным, если они будут использоваться в интересах производителей. Эта мысль является гораздо более прогрессивной по сравнению со взглядами других английских социалистов-утопистов (Уоллес, Холл, Спенс и др.), видевших лишь негативные стороны машинного производства и призывавших вернуться к мануфактурным порядкам «доброй старой Англии».

Брей был твердо убежден, что при социалистической системе производства роль машин коренным образом изменится, благодаря чему неограниченное применение машин послужит лишь всеобщему благу.

Однако характеристика взглядов Брея страдала бы односторонностью, если бы мы ограничились выявлением лишь общих черт в учениях Брея и Оуэна. Брей являлся социалистом более позднего периода, когда социальные контрасты обозначились отчетливее, а классовая борьба находила свое выражение не только в усиленной социалистической пропаганде, но и во все более ширившемся чартистском движении. Это несомненно отразилось на его учении. Брей предстает перед нами в большей степени теоретиком английского пролетариата, чем Оуэн. В отличие от Оуэна Брей подчеркивает в своей книге, что освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации может быть делом лишь самого рабочего класса.

Если Оуэн не мыслил создания производительных обществ на основе взаимной кооперации без поддержки богатых людей и правительства, то Брей, высказываясь за организацию производственных коммун как ячеек будущей социалистической системы, подчеркивал, что эту новую систему «рабочие могут в своей массе привести в движение своими собственными усилиями, без посторонней помощи»⁵⁸.

Социалистическое производство Брей, как и Оуэн, мыслил не как спорадическое явление, а как систему в масштабе всего об-

щества. Но, в отличие от Оуэна, он не считал возможным непосредственный переход к коммунизму с установлением совершенной системы общности имущества, а был убежден в том, что общество в своем развитии должно пройти через промежуточный этап, пережить своего рода переходный период от капитализма к коммунизму⁵⁹.

Брей высказался относительно частной собственности гораздо более решительно, чем высказывался о ней Оуэн до 1842 г. По мнению Брея, всякая форма правления есть не причина, а следствие основного зла, все социальные и политические несправедливости «проистекают из господствующей в настоящее время социальной системы — из института собственности в его современной форме: поэтому, чтобы раз и навсегда положить конец существующим несправедливостям и бедствиям, необходимо разрушить до основания современный общественный строй»⁶⁰.

В 1842 г. в работе «Новый правственный мир» Оуэн высказывается по вопросу о частной собственности гораздо более определенно. Он уже считает, что, «пока человеческий род будет разделен на отдельные обособленные семьи с частной собственностью, присвоенной членами этих семейств, законы природы не смогут получить силу. Индивидуализм, вызывающий противоположность интересов у людей и народов, не может существовать одновременно с системой, основанной на законах природы. Эти обособленные интересы и индивидуальная организация семейств с наличием частной собственности составляют существенную часть теперешней неразумной системы. Они должны быть устранены вместе со всей системой»⁶¹.

Такой переменной во взглядах на частную собственность Оуэн, по-видимому, во многом обязан был книге Брея. Косвенным доказательством того, что Оуэн отнесся к ней с одобрением, является восторженная рецензия на эту книгу, опубликованная в апреле — мае 1839 г. в трех номерах оуэнского журнала «Новый правственный мир»⁶².

Автор рецензии, некий Смит, с мнением которого редакция выразила полное согласие⁶³, констатирует: «Работа г-на Брея замечательна содержащимся в ней глубоким исследованием и пронычательными выводами. Он призывает рабочих бороться за свои права и предлагает им средства избавления от испытываемых ими бедствий, вполне реальные и надежные. Этими средствами являются: устранение конкуренции, частного накопления, неравного обмена и опровержение ложной идеи о том, что труд являет-

⁵⁹ Там же, стр. 79—80. Анализ и оценка идеи Брея о переходном периоде даны в статье: В. П. Волгин. Джон Френсис Брей.— В кн.: «На боевом посту». М., 1930.

⁶⁰ Там же, стр. 38—39.

⁶¹ Р. Оуэн. Избранные произведения, т. II. М., 1950, стр. 33—34.

⁶² «The New Moral World». New series, N 27—29, 27.IV; 4, 11.V 1839.

⁶³ «The New Moral World», N 29, 11.V 1839, p. 462.

⁵⁷ Дж. Брей. Несправедливости в отношении труда, стр. 187.

⁵⁸ Там же, стр. 159.

ся занятием, зазорным для человека. Равенство прав и равенство обязанностей — это в конечном счете фактически и по существу общественная собственность в ее совершенной форме»⁶⁴.

* * *

Подводя итог, мы можем констатировать влияние Оуэна на Томпсона, Грея, Брея и некоторых других английских социалистов. Но это влияние не было односторонним. Сам Оуэн многому научился и многое позаимствовал по части теории у названных писателей. Здесь имел место процесс взаимообогащения. Проследив основные вехи в развитии оуэновского учения, можно заметить, как постепенно левел Оуэн. И этому полевению способствовал не только опыт оуэновского движения, но и тот более решительный тон в критике пороков капитализма и те более радикальные методы избавления от этих пороков, какие обнаружил Оуэн в произведениях рассмотренных выше социалистов. Мы, разумеется, не можем обойти молчанием коренную ошибку этих социалистов, заключающуюся в том, что они принимали следствие за причину, когда акцентировали внимание на необходимости изменений в системе распределения. Но нельзя не признать и того, что своей решительной критикой на основе рикардовской теории стоимости капиталистических порядков, подчеркиванием противоположности классовых интересов рабочих и предпринимателей в силу того, что последние присваивают неоплаченный труд первых, ранние социалисты, последователи Оуэна, сослужили добрую службу английскому рабочему классу. Они в значительной степени способствовали развитию его классового самосознания.

Английские рабочие в своей борьбе против капиталистической системы со второй половины 30-х годов XIX в. пошли другим путем, нежели тот, какой им указывали социалисты. Вопреки призывам Оуэна и его сторонников, английский рабочий класс встал на путь широкой политической борьбы. Отныне его доктриной стала Народная хартия. Но как бы ни различались между собою по методам борьбы социалисты и чартисты, диалектика такова, что «аполитично настроенным» социалистам принадлежит немалая заслуга в том, что в конце 30-х и 40-х годах XIX в. политическое чартистское движение приобрело в Англии широкий размах. Английский рабочий класс никогда бы не поднялся на борьбу за свои политические права в такой широкой массе, если бы не сознавал, какие глубокие социальные перемены может повлечь за собой завоевание этих прав. В воспитании же у английских пролетариев сознания огромной социальной значимости борьбы за Народную хартию большая заслуга несомненно принадлежит социалистам.

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

⁶⁴ «The New Moral World», N 29, 11.V 1839, p. 462.